

Последняя победа Крымского юрта: Бой у урочища Мигея 7 (18) июня 1769 г.

Василий Каширин

Институт славяноведения РАН

Аннотация. Данная статья посвящена одному яркому и драматическому, но до сих пор совершенно неизвестному эпизоду из истории начального периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – бою у урочища Мигея летом 1769 г. между двумя полками легкой кавалерии русской 2-й армии и значительно превосходящими силами конницы Крымского ханства. В результате ошибок своего командования и рокового стечения ряда обстоятельств русские полки оказались окружены татарами на берегу Южного Буга и пытались обороняться в вагенбурге. Несмотря на их ожесточенное сопротивление, тот был взят приступом, а большая часть русского отряда – уничтожена. Это стало самой последней в истории победой вооруженных сил Крымского ханства в полевом сражении.

Трагедия у Мигеи повлекла официальное расследование в отношении уцелевших офицеров и нижних чинов двух разбитых российских полков. Материалы их допросов содержат ценные фактические и психологические детали, относящиеся к событиям того боя. Обстоятельства сражения 7 июня 1769 г. отразили как некоторые сильные стороны войск Крымского ханства последнего периода его существования, так и естественные недостатки полурегулярных кавалерийских полков, охранявших границы российской Украины, – компанейских казачьих и пикинерных поселенных. Также события у Мигеи являются примечательным эпизодом из истории командования генералом графом П.А. Румянцевым русской 2-й армией на Украине в кампанию 1769 г., а его реакция на случившееся добавляет новые штрихи к его портрету как полководца и человека.

В основу статьи легли ранее не введенные в научный оборот документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Важнейшие из них – реляция Румянцева и экстракт из допросов участников того боя – публикуются в приложении к статье.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1768–1774 гг., Крымское ханство, Едисанская орда, урочище Мигея, генерал-аншеф граф П.А. Румянцев, полковник Карп Чеснок, майор Михайла Ртищев, вагенбург, компанейские казачьи полки, поселенные пикинерные полки

Для цитирования: *Каширин В.Б.* Последняя победа Крымского юрта: Бой у урочища Мигея 7 (18) июня 1769 г. // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 29–65. DOI: 10.22378/kio.2023.2.29-65

* * *

Сколько безвестных для истории битв, наездов, побед и поражений произошло на этих безмолвных для нас равнинах! Сколько героев пустыни легло в могилу, неизвестных остальной частью братняго Русского мира; сколько славных дел, любви к родине, храбрости, верности своему знамени и вере происходило здесь! – и никто их не знает; – некому было передать их нашему поколению.

А.А. Скальковский

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. стала заключительным актом многовекового военного противостояния Российской империи и Крымского ханства. В целом, в ходе кампаний 1769, 1770 и 1771 гг. вооруженные силы Российской империи впервые добились безоговорочного превосходства над османскими и татарскими войсками на степном театре военных действий в Северном Причерноморье. Однако в истории этих кампаний были и бесспорно неудачные для российской стороны события – крупномасштабное нашествие главных сил Крымского юрта во главе с ханом Крым-Гиреем на Елисаветградскую провинцию зимой 1769 г., набег татарского отряда во главе с калгой-султаном Шехбаз-Гиреем на запорожские зимовники в августе 1769 г., малорезультативные действия отдельного корпуса генерала М.В. фон Берга в Крымской степи в летние кампании 1769 и 1770 гг., не вполне успешные попытки русского корпуса в Молдавии защитить восточные области этого княжества от набегов татар из Буджака в ноябре 1769 – январе 1770 г. К перечню таких неудач относится и бой двух полков российской конницы с многократно превосходящими татарскими силами у урочища Мигея на левом берегу Южного Буга 7 (18) июня 1769 г.¹ Их столкновение закончилось полным поражением и гибелью большей части русского отряда, державшего оборону в вагенбурге.

До сегодняшнего дня этот примечательный боевой эпизод оставался совершенно неизвестен историкам, и, как видится, тому была весомая причина. Разбитые татарами у Мигея два конных полка входили в состав авангарда русской 2-й армии под командованием генерал-аншефа графа П.А. Румянцева (1725–1796), в недалеком будущем – триумфатора Ларги и Кагула и генерал-фельдмаршала, фамилия которого затем украсилась по-

¹ Далее даты в статье приводятся по Юлианскому календарю (по старому стилю), который в XVIII столетии «отставал» от Григорианского на 11 дней.

четным прибавлением «Задунайский». Еще при жизни его слава и могущество достигли таких высот, что критика его полководчества и действий вверенных ему войск были практически невозможны. А начиная с трудов основателя русской «национальной» школы военной историографии Д.Ф. Масловского (1848–1894) описание деятельности Румянцева приобрело характер безудержной апологетики, не имеющей ничего общего с критическим научным изучением военной истории. В рамках того подхода любые неудачные эпизоды и неприглядные страницы полководческой биографии Румянцева либо искажались до абсурда, либо предавались полному молчанию. И это затронуло даже фундаментальную трехтомную публикацию документального наследия Румянцева.

В Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) среди материалов бывшего Военно-ученого архива Главного штаба хранится дело с реляциями Румянцева по должности главнокомандующего 2-й армией в 1769 г. В их числе и две реляции от 14 июня и 2 июля 1769 г., в которых он докладывал на имя императрицы Екатерины II о деле у урочища Мигея и о гибели там двух полков конницы [3, л. 191–198. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 14 июня 1769 г. Из шанца Самбор. № 1; там же. Л. 257–263. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 2 июля 1769 г. Из шанца Мошорин. № 6]. Ко второй из этих реляций был приложен подробный «экстракт» из показаний спасшихся участников того боя. Вне всякого сомнения, это архивное дело неоднократно просматривали исследователи. В частности, с ним работал будущий генерал А.Н. Петров (1837–1900) – автор первой и единственной по сей день фундаментальной истории войны 1768–1774 гг. Однако бой у Мигея в его классическом труде даже не упоминается [15]. У нас нет оснований подозревать Петрова в намеренном замалчивании этого эпизода, так как в своем пятитомнике он выступал первопроходцем военно-исторического описания гораздо более важных сражений и кампаний той войны. А вот составители названного советского трехтомника документов Румянцева, тоже видевшие эти документы, предпочли их проигнорировать и не включать в свою публикацию [13].

В работах по истории Крымского ханства бой у Мигея также вообще не упоминается. Современный украинский историк В.В. Грибовский плодотворно занимается историей Крымского юрта позднего периода и, в частности, пишет и о событиях войны 1768–1774 гг., причем, на наш взгляд, не вполне основательно преувеличивает и в смысловом, и в терминологическом отношении степень модернизации и эффективность вооруженных сил Крыма в те годы [6; 7]. Однако при этом бой у урочища Мигея 7 июня 1769 г., который как раз и является одним из наиболее ярких при-

меров успешных действий татарского войска в ту войну, остается ему неизвестен.

Существует достаточно обширная историография военного дела Крымского ханства. В наше время наиболее систематично над данной темой работает крымский историк А.А. Шейхумеров. Он посвятил отдельную статью и затем раздел своей монографии проблеме боевой тактики татар против вагенбургов, обобщив обширный фактический материал и сделав ценные выводы по этому вопросу [19; 20]. Как справедливо отмечает автор, в XVI–XVII вв. случаи взятия и полного уничтожения татарской конницей таборов противника были весьма редки. Оставшееся вне его поля зрения взятие русского вагенбурга у Мигеи в июне 1769 г. стало одним из таких успехов, причем на самом закате военной истории Крымского ханства.

В том бою принимали участие казаки Компанейских полков российской армии. Однако в существующих работах по их истории содержатся лишь глухие и лаконичные упоминания о том, что летом 1769 г. компанейцы потерпели неудачу и понесли тяжелые потери, с неточным указанием даты и места этого события [14, с. 6; 18, с. 10].

Упоминания о столкновении у Мигеи отсутствуют в источниках османского или татарского происхождения. Однако упомянутые русские документы, и прежде всего «экстракт» из показаний уцелевших чинов двух уничтоженных российских полков, позволяют достаточно обстоятельно, с ценными тактическими подробностями, восстановить фактическую картину боя 7 июня, а также передают важные психологические детали поведения русских воинов в критической ситуации военного разгрома и после него.

* * *

Описываемые события произошли на левом берегу Южного Буга у урочища Мигея (в документах оно иногда также называется Мигейский Ташлык, по названию речки, впадающей там в Буг). Сейчас на этом месте находится село Мигия (укр. Мигія) Первомайского района Николаевской области Украины. Здесь река Буг врезается в массив Украинского кристаллического щита и течет в каньоне с двенадцатью порогами, рядом каменистых островов и гранитными скалами по берегам. Фактически, это место (так называемый Бугский камень) представляет небольшой кусок гористого ландшафта посреди степных просторов. В наши дни бугские пороги у села Мигия до недавнего времени были популярным местом тренировок спортсменов по водному слалому и любителей водного туризма, сплава на байдарках и надувных плотках. А два с половиной века назад непосред-

ственно здесь, на берегу Южного Буга, в расселинах скалистых утесов и на речных островах развернулась кровавая драма.

По местному преданию, название Мигейских островов-порогов на Буге и села Мигия произошло от «мигавших» в старину в ночной темноте костров запорожских дозоров на окрестных курганах. Во всяком случае, урочище Мигея действительно находилось на тревожной границе. Ко времени русско-турецкой войны 1768–1774 гг. здесь сходились владения трех держав – по Бугу пролегла граница между землями Российской империи и Крымского ханства (подвластного Высокой Порте), а впадавшая в Буг речка Синюха (Синие Воды) служила границей между Россией и Речью Посполитой. В 1744 г. на левом берегу Южного Буга был основан Орловский шанец (Орлик, Орел, сейчас – г. Первомайск Николаевской области), ставший самым выдвинутым вперед форпостом на юго-западных окраинах Российской империи.

Урочище Мигея лежало в 8 км к востоку от Орловского шанца, ниже по течению Южного Буга. После создания Новослободского казачьего полка (будущего Елисаветградского пикинерного) по балке речки Мигейский Ташлык прошла граница между землями этого полка и Бугогардовой паланки Войска Запорожского низового, полупустынной области на границе с Польской Украиной и землями Крымского ханства. Административный центр этой паланки, урочище Гард, небольшое поселение с поставленными там же деревянными заграждениями на реке для рыбной ловли, находился в 35 км ниже по течению Южного Буга. Летом 1768 г. Брацлавское воеводство Польши и «ханские слободы» на Буге и Кодиме подверглись сильному опустошению в результате нападений украинских гайдамаков во время знаменитой Колиивщины. А затем и Бугогардовая паланка, и Елисаветградская провинция, и польские земли, и те же «ханские слободы» были опустошены ордой Крым-Гирея следующей зимой.

В январе 1769 г. главные силы Крымского юрта во главе с самим ханом, силой до 80 тыс. человек, вторглись в русские пределы именно вблизи Орловского шанца [подробнее см.: 10]. Из русских документов не ясно вполне, оборонялся ли шанец и был ли он тогда взят неприятелем. Но в источниках о бое 7 июня 1769 г. даже не упоминаются ни укрепления Орловского шанца, ни присутствие в нем русских сил, ни вообще какое-либо человеческое жилье поблизости. По всей видимости, Орловский шанец и Бугский Гард были разорены татарами во время зимнего нашествия, а соседние слободы Богополь и Голта – еще раньше опустошены гайдамаками. Таким образом, бой у урочища Мигея происходил фактически в пустынной и безлюдной местности.

Военная обстановка на границах Украины и татарской степи весной 1769 г. была такова. После набега орды Крым-Гирея и неудачной попытки

русских войск настичь ее на обратном пути на театре действий русской 2-й армии установилось временное затишье. В конце февраля генерал-аншеф граф П.А. Румянцев принял важное решение – отвести все регулярные полки пехоты и кавалерии вверенной ему 2-й армии на левый берег Днепра, чтобы там спокойно готовить их к предстоявшей летней кампании [3, л. 40–42. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 25 февраля 1769 г. Из Глухова. Б.н.]. Прикрытие границ опустошенной Елисаветградской провинции и Вольностей Запорожских было возложено им на иррегулярную конницу – украинских казаков и местные поселенные полки.

После триумфального возвращения из зимнего похода и дележа добычи значительная часть татарских сил была распущена по домам. Хан Крым-Гирей вернулся в свою военную столицу Каушаны в Буджаке, где умер в своем дворце 17 (28) марта 1769 г. в 10 часов вечера, после длившейся несколько дней неустановленной болезни или же в результате отравления [точную дату см.: 21, р. 241]. Известия о его смерти и возведении на ханский престол Девлет-Гирея IV разными путями достигли представителей русского командования с немалым запозданием, не ранее середины апреля по старому стилю. 23 апреля запорожской разведывательной партией под Очаковым был взят в плен одабаши Джембуйлукской орды по имени Кельмембет, который на допросе показал, что Крым-Гирей действительно умер и что он лично наблюдал перевозку его тела через Очаков в Крым [3, л. 123–126. Показания пленного татарина Кельмембета. 10 мая 1769 г. (приложение к реляции П.А. Румянцева императрице Екатерине II от 11 мая 1769 г.)]. По словам того же пленного, «после нападения прошлой зимы на российские границы Едичкулская и Джамбуйлуцкая орды возвратились в Крым, а Едиссанская к Белагороду (Аккерману. – В.К.), где и теперь состоит» [3, л. 123–126].

Русская дипломатия и разведка всегда высоко оценивали энергичность, воинственность и волевые качества Крым-Гирея, а также его популярность у подвластных ногайских орд. Поэтому весть о его смерти была воспринята как безусловно благоприятная для России. Были основания полагать, что вооруженные силы Крыма на некоторое время станут неспособны к активным действиям. Судя по документам, в главной квартире Румянцева в те недели ощущалась острая нехватка достоверных сведений о местонахождении и передвижениях татарских сил. До начала войны во владениях Крыма и Порты действовала подчиненная Киевской губернской канцелярии эффективная система сбора разведывательных данных через сеть тайных агентов-конфидентов, многочисленных купцов, дипломатических курьеров, путешественников из числа казаков и других частных лиц, что позволило, к примеру, получить точные сведения о приготовлениях татар к зимнему набегу. Однако затем поступление информации практиче-

ски прервалось. Русское командование было вынуждено довольствоваться случайными и обрывочными известиями и не имело четкого представления о местоположении и численности татарских сил и о намерениях их военачальников.

В те весенние недели 1769 г. Дикое поле между Днестром и Бугом, степь Едисанской орды, казалось пустынным, но это было обманчивое впечатление. 15 мая Румянцевым было получено от командующего на правом берегу Днепра генерал-майора В.Ф. Лебеля донесение о том, что, как сообщила высланная им от Орловского шанца к Днестру разведывательная партия, «в той стороне войск неприятельских никаких нет, селения все сожжены, а жители переведены за Днестр, кроме в Дубассарах, как их жители польские удостоверили, находится турецкая конница в пятистах человек» [3, л. 165–166. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 15 мая 1769 г. Из Крюкова шанца. Б.н.; 8, с. 135]. Вскоре после этого Лебель тяжело заболел, и вместо него командование войсками передового корпуса 2-й армии на правом берегу Днепра было доверено генерал-майору сербу М.Ф. Зоричу, опытному военачальнику легкой конницы и знатоку «малой войны». Лишь к 30 мая были получены сведения о показывающихся за Бугом татарских партиях, и тогда Румянцев приказал Зоричу и запорожскому кошевому атаману Петру Калнишевскому «послать для поисков над ними свои партии, кои бы могли притом открывать движения неприятельские, и заботить его, нанося ему возможный вред своими действиями» [8, с. 135]. Однако в действительности инициатива в те недели оставалась за татарами.

Столкнуться с противником предстояло двум полкам российской легкой конницы, стоявшим постами на Южном Буге, у урочища Мигея и Орловского шанца, – Днепровскому пикинерному (334 человека) под командой секунд-майора М. Ртищева и Компанейскому казацкому полку (402 человека) полковника К.К. Чеснока. Точнее говоря, это были сводная, так называемая пятисотенная команда Днепровского полка и сводный же отряд 1-го и 3-го Компанейских казацких полков; фактически же – весь боеспособный состав названных частей на тот момент. В найденных нами документах о тех событиях эти команды чаще именуются просто Днепровским пикинерным и Компанейским (без номера) полками.

Оба эти формирования, каждое по своему, представляли собой весьма своеобразные и примечательные явления в структуре вооруженных сил Российской империи той эпохи. Компанейские (иначе охочекомонные, то есть конно-добровольческие) казацкие полки к началу войны 1768–1774 гг. имели давнюю историю и были одним из рудиментов старой военнослужилой организации Украины. Они существовали с XVII в. и первоначально являлись вольнонаемным конным войском Гетманщины, по сути, ее

воинскими частями постоянной готовности (в отличие от городских казаков), а позднее были конной гвардией при самом гетмане [о компанейцах подробнее см.: 11; 14; 17; 18].

Со второй четверти XVIII в. существовало три охочекомонных полка, называвшиеся обыкновенно по номерам, с 1-го по 3-й, а иногда по именам их командиров. Компанейцы несли службу в разных частях Гетманщины, на татарской границе, охраняли Украинскую линию, участвовали в войне с Турцией 1736–1739 гг. Из источников известно, что в годы Семилетней войны в русскую действующую армию за границей была направлена сводная тысячная команда компанейцев, сформированная на основе 3-го компанейского полка полковника И.К. Чеснока. Однако о ее участии в боях с пруссаками ничего не известно. После упразднения поста гетмана в 1764 г. компанейские казаки продолжили службу по охране границ новоучрежденной Новороссийской губернии.

По имеющимся данным, к началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. во всех трех Компанейских полках насчитывалось лишь около 500 человек. В административном отношении продолжали существовать три компанейских полка, с 1-го по 3-й, однако из-за общей малочисленности личный состав 2-го полка был поделен между 1-м и 3-м полками. Осенью 1768 г. компанейцы несли службу на границе, затем зимой участвовали в отражении нашествия Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию. После этого для участия в охране границы по Южному Бугу там была оставлена сводная команда 1-го и 3-го полков под началом полковника 3-го Компанейского полка К.К. Чеснока.

Карп Карпович Чеснок был представителем знатной украинской фамилии Чеснок (укр. Часник), настоящей «полковничьей династии». Его отец Карп Чеснок-старший, племянник знаменитого Семена Палия и зять Захара Искры, возвысился в ходе бурных событий петровских времен и с 1715 г. был полковником охочекомонным. Как и во многих других казачьих формированиях того времени, старшие командные должности в Компанейских полках фактически были наследственными и передавались от отца к детям и от старших братьев – к младшим. Карп Чеснок-старший и, по меньшей мере, шесть из его семи сыновей служили на должностях полкового уряда в разных Компанейских полках (чаще всего в 3-м, который был, по сути, полком их семейного клана). С 11 апреля 1760 г. полковником 3-го Компанейского полка стал Карп Карпович Чеснок, состоявший на службе в этом полку с 1733 г. и унаследовавший должность его командира после своего брата Игнатия Карповича (командовал в 1746–1760 гг.) [12, с. 32–34].

Ко времени войны 1768–1774 гг. Компанейские полки были довольно архаичным явлением в структуре российской армии. С одной стороны, их старшина имела многолетний, передаваемый из поколения в поколение

опыт военных походов и сторожевой службы на турецко-татарской границе. С другой стороны, по всей видимости, большинству компанейцев к моменту начала войны 1768 г. не хватало практического боевого опыта. Имелись и проблемы с современным единообразным вооружением. Перед походом против Пруссии компанейцы были вооружены так называемыми «новопавловскими» российскими ружьями, однако, по отзыву полковника И. Чеснока, они были непригодны для кавалерийской службы – чересчур длинны и тяжелы, малокалиберны и неудобны для быстрого заряжания и ведения огня. И. Чеснок добивался поставки в полк 1000 ружей гусарского образца с погонными ремнями, единого и достаточно крупного калибра, а также лядунок по калибру ружей и 500 сабель [см.: 17]. Были заключены контракты, но неясно, какое количество заказанного оружия было в итоге поставлено. Во всяком случае, как будет показано ниже, при обороне вагенбурга у Мигея компанейцы по-прежнему имели неудобные устарелые винтовки.

В полную противоположность компанейским казакам, Днепровский пикинерный полк был совсем молодым военным формированием, одним из новосозданных поселенных конных полков Новороссийской губернии. Он был учрежден в Екатерининской провинции на левом берегу Днепра по высочайше утвержденному докладу 11 июня 1764 г. [5]. В состав Днепровского полка было включено некоторое количество чинов прежних гусарских полков упраздненной Славяносербии. А в этническом отношении большинство пикинеров составляли украинские казаки, переведенные из состава малороссийских полков, прежде всего из южных сотен Полтавского полка. Как показывают месячные и «третные» (т.е. за треть года) рапорты о состоянии людей и лошадей Днепровского полка за 1768–1769 гг., к началу войны с Турцией полк находился еще в начальной стадии реформирования из прежнего казацкого состояния в новую регулярную структуру. К примеру, в октябре 1768 г. (то есть уже после объявления Турцией войны) в Днепровском полку состояло по списку 4 штаб-офицера, 16 человек «ундер штапа»² и 258 человек «ротного прима плана»³, в том числе всего 67 человек конных пикинеров, из которых при полку налицо здоровых лишь 58 человек (!). До полного комплекта в 5156 человек, согласно утвержденному штату, Днепровскому полку не хватало 4878 человек. При этом в нем состояло, по сути, в качестве обширного резерва живой силы,

² Так называемый «унтер-штаб» в полках русской армии XVIII в. состоял из обер-офицеров, занимавших различные административные и хозяйственные должности в полку, а также из унтер-офицеров и нижних чинов, выполнявших обслуживающие функции.

³ К так называемому «ротному прима-плану» относились все чины полка, включенные в ротные списки.

«за непереформированием полку прежнего звания малороссийских чинов и рядовых» 2215 человек, из них налицо в полку здоровых 1833 человека [2, л. 482–482 об. Рапорт о состоянии Днепровского пикинерного полку людей и лошадей за октябрь месяц. 21 октября 1768 году]. Иными словами, к началу войны с Турцией полк на 9/10 фактически оставался прежним малороссийским казачьим полком, притом с неустоявшейся структурой и слабыми командными кадрами.

Состав Днепровского полка оставался почти неизменным в ноябре и декабре 1768 г. Затем, наконец, принесли свои плоды ускоренные меры по увеличению состава пикинерных эскадронов за счет казаков «прежнего звания». В феврале 1769 г. в Днепровском полку числилось 4 штаб-офицера, 16 человек унтер-штаба, но теперь уже 852 человека ротного прима-плана, в том числе конных пикинеров 633 человека. Из них в дальней отлучке были показаны ровно 500 человек [2, л. 579–580. Рапорт о состоянии Днепровского пикинерного полку людей и лошадей за февраль месяц. Февраля 24 дня 1769 году]. Это была сводная команда полка (в документах обозначалась как шестисотенная), направленная на правый берег Днепра в Елисаветградскую провинцию для участия в ее обороне от нападения орды Крым-Гирея. Те действия в феврале 1769 г. стали боевым крещением для Днепровского полка, но он всё равно оставался пока еще совершенно «сырой», необстрелянной воинской частью, со всеми вытекающими из этого слабостями и недостатками. Подобно всем другим поселенным кавалерийским полкам того времени (поселенным и слободским гусарским и пикинерным), он испытывал большие трудности с вооружением, конским составом и командными кадрами.

Командиром Днепровского полка в 1769 г. был 45-летний полковник Николай Одобаш, «болгарской нации из шляхетства», участник Шведской войны 1741–1743 гг., бывший адъютант одиозного основателя Новой Сербии генерала И.С. Хорвата. Во главе сводной шестисотенной команды Днепровского полка он участвовал в зимнем отражении татарского нападения. После этого на правом берегу Днепра для форпостной службы осталась сводная пятисотенная команда Днепровского полка. Ее командиром был третий по старшинству офицер полка, секунд-майор Михайла Ртищев. Во время рокового боя при Мигее именно он оказался старшим командиром обоих сражавшихся там русских полков, так как его армейский штаб-офицерский чин был выше полковнического звания Карпа Чеснока, командира нерегулярного казачьего полка.

В делах Гусарского повывтъя Канцелярии Государственной Военной коллегии в РГВИА нам удалось найти документы о его службе. Михайла Ртищев происходил из курской ветви древнего российского дворянского рода (к слову, с ордынскими корнями); за его отцом числилось двести душ

крепостных мужского пола в Курской губернии. В 1760 г. Михайле Ртищеву было 32 года, следовательно, ко времени боя у Мигея ему исполнился 41 год. Ртищев поступил на службу солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк 25 октября 1744 г., в первый офицерский чин подпоручика был произведен в 1751 г., служил в регулярной тяжелой кавалерии. В справке Военной коллегии о его службе говорилось: «Во время продолжения своей службы был в походах в 755^м, 756^м для усмирения бунтующих башкирцов в Оренбургской экспедиции с полком Астраханским, в тогда ж продолжающую войну (Семилетнюю. – *В.К.*) с начала вступления кирасирских полков из российских границ все три компани на баталиях, в 757^м при Эгерздорфе с полком Новотроицким, а в 758^м при Цондорфской [так] во особой команде бывшего тогда генерал правивант мейстера лейтенанта Маслова к защищению денежной казны правивантской суммы, коей ущербу никакого будучи в опасности не последовало, 759^м в бывшие июля 12 при Палциховской, августа 1 числ при Франфорской баталиях в точной же команде означенного Маслова, которой тогда был полковником, находился безотлучно при комисии» [1, л. 180–182 об. Справка Военной коллегии о М. Ртищеве. 1765 г.].

В 1758 г. М. Ртищев был произведен в чин ротмистра, но затем в 1760 г., страдая от застарелой чахотки, был вынужден выйти в отставку с производством в секунд-майоры. В апреле 1765 г. он изъявил желание вернуться на службу и поступить в один из новоформируемых пикинерных полков. Генерал-губернатор Новороссийской губернии А.П. Мельгунов поддержал его ходатайство, сообщив, что Ртищев «по знанию иностранных, а особливо полского языков, к бытию во оных полках признан мною весьма способным» [1, л. 179. А.П. Мельгунов – в Военную коллегию. Доношение. 12 апреля 1765 г.]. И тот был принят в Днепровский полк с тем же чином секунд-майора.

Итак, командир русского отряда при Мигее секунд-майор Михайла Ртищев был опытным офицером кавалерийской службы, с опытом и действий в степях против башкир, и баталий Прусской войны, достаточно образованный, хотя и некрепкого здоровья. Тем не менее, его профессиональных навыков и личной удачливости не хватило для того, чтобы предотвратить гибель вверенного ему отряда на берегу Южного Буга.

Между прочим, то, что командиром боевой части Днепровского полка оказался офицер-великоросс, стало скорее гримасой судьбы. По именному списку офицеров Днепровского полка за майскую треть 1769 г. в полку числилось (уже после боя при Мигее) в общей сложности 44 штаб- и обер-офицеров, из них 38 малороссиян из старшинских, казачьих и поповских детей, а также болгарин, грек, молдаванин, швед, грузин и татарский князь Иван Шихматов [1, л. 778–790. Имянной список о состоящих в Днепров-

ском пикинерном полку штаб и обер-офицерах за майскую 769 году треть. Августа 30 1769 году]. То есть, Ртищев был вообще единственным офицером-великороссом в полку.

Примечательно также, что из общего числа в 44 офицера у 15 человек в списках о службе было показано участие в отражении нападения крымского хана на Елисаветградскую провинцию зимой 1769 г. И лишь у одного из них упоминается участие в бою при урочище Мигея 7 июня – у отданного под суд поручика Ивана Волковицкого [там же]. С учетом данных о потерях офицеров в том бою (см. ниже), получается, что при Мигее Днепровский полк в числе 334 человек имел всего одного штаб-офицера (Ртищева) и пять обер-офицеров. Причины такой малочисленности командного состава не вполне ясны. Но несомненно, что поселенные кавалерийские полки испытывали трудности с обеспечением своих боевых подразделений офицерскими кадрами. В реляции от 14 июня 1769 г. Румянцев докладывал, что «поселенных гусарских и пикинерных полков полковники и другие штаб-офицеры под видом разных военных и земских должностей остаются в домах своих, а на службу военную отправили только из своего усмотрения офицеров, которых число недовольное» [3, л. 191–198. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 14 июня 1769 г. Из шанца Самбор. № 1].

Итак, оба русских полка, стоявшие форпостами на Южном Буге, Днепровский пикинерный и Компанейский, были формированиями легкой конницы из украинских казаков, по сути – нерегулярными войсками (пикинеры в то время могли числиться регулярными лишь на бумаге), с устаревшим и разнородным вооружением, слабыми и недостаточно дисциплинированными офицерскими кадрами и, как показали события, вероятно, и худоконными. При всех различиях в истории этих полков, они имели схожие слабости и разделили общую судьбу в роковой день 7 июня 1769 г.

В первые дни лета 1769 г. главная квартира графа П.А. Румянцева находилась в Крюковском шанце (1-й роты Жёлтого гусарского полка), на правом берегу Днепра, напротив Кременчуга. 6 июня Румянцев с частью войск выступил оттуда, направляясь в шанец Самбор⁴, где им был намечен сбор главных сил 2-й армии. А уже на следующий день 7 июня за 200 км к юго-западу от Крюкова шанца произошел злосчастный бой при Мигее. В журнале военных действий 2-й армии об этом было оставлено лаконичное известие: «[Июня] 7-го. Соединенные с турками татары, наехав на один передовой пост, состоявший из кампанейских казаков и пикинер, упредили

⁴ Самбор (совр. Диковка) – шанец 10-й роты Жёлтого гусарского полка, в 50 км к северо-востоку от крепости Св. Елисаветы, в 50 км к юго-западу от Кременчуга.

его ретирату и по множеству своему его совсем разбили» [8, с. 136]. 14 июня Румянцев в своей всеподданнейшей реляции докладывал из Самбора: «7-го числа сего месяца один наш пост, состоявший из малороссийских компанейских казаков и пикинеров, напав нагло, многие турецкие и татарские войски разбили» [3, л. 191–198]. Примечательно, что в дальнейшем ни один участник тех событий ни словом не упоминал об участии в бою турецкой конницы. Очевидно, в реляцию Румянцева и в журнал военных действий упоминание о турках было добавлено для придания «солидности» взявшему верх противнику, тогда как в действительности эта победа принадлежала исключительно татарам.

В той же реляции от 14 июня Румянцев добавлял: «При разбитии упомянутого посту, сколь велик урон в людях, я еще не отобрал верного уведомления. А только спасшийся от оногo с двадцатью козаками полковник компанейский Чеснок ко мне приехал, которого я приказал арестовать, потому что не сохранил он своей должности и, поставлен будучи для открытия движений неприятельских при наступлении превосходной силы, не ретировался к своему подкреплению, но сделавши вагенбург, по повелению, как он сказывает, майора пикинерного Ртищева, который притом и убит, допустил себя, спешившись, атаковать. Теперь следуетея против его показаний, как он разбит? Справедливо ли его объявление? И что затем окажется, Вашему Императорскому Величеству долженствую вскоре донести» [3, л. 191–198].

В ходе начатого по приказу Румянцева расследования были опрошены в общей сложности 147 человек – офицеры, нижние чины, полковой священник и маркитант, из общего числа в 188 спасшихся. Из «экстракта» видно, что проводивших допрос, помимо фактических обстоятельств боя у Мигеи, более всего интересовали вопросы о поведении старших начальников. Майор М. Ртищев пал в бою и смертью искупил свою вину, если таковая за ним была. Второй же по старшинству командир, компанейский полковник К.К. Чеснок, спасся с поля боя, и обстоятельства его спасения вызвали обоснованные подозрения в главной квартире Румянцева. Поэтому следователи стремились выяснить из опросов, не нарушил ли Чеснок свою присягу и должностные обязанности, где он находился в течение всего боя и не покинул ли он раньше времени своих подчиненных.

Что же выяснилось в результате опросов? В первых числах июня 1769 г. оба конных полка – Днепровский пикинерный во главе с майором Ртищевым и компанейский казацкий под командой полковника Чеснока – стояли постом у урочища Мигея. Здесь же находился обоз компанейцев, а обоз пикинеров располагался у Орла, т.е. у Орловского шанца, выше по течению Буга. Как следует из показаний Чеснока, старшим начальником всего отряда был Ртищев. На рассвете 7 июня партия из 50 компанейцев,

высланная Чесноком на разведку, наткнулась на превосходящие силы татар, была ими атакована, полностью уничтожена и пленена, спаслись лишь два человека. И это позволяет нам заключить, что конский состав компанийцев был весьма плох и уступал татарскому. После этого майор Ртищев приказал перевести обоз Днепровского полка к Мигее и, объединив его с обозом компанийцев, построить общий вагенбург, примыкавший двумя сторонам к Бугскому камню, то есть к скалам на берегу реки.

Соорудив такое укрепление, Ртищев с основными силами своего отряда двинулся навстречу противнику в сторону Гарда, то есть на юго-юго-восток по левому берегу Буга. Высланный новый разъезд из 30 казаков под командой есаула Жеребецкого и сотника Мартиновича сообщил, что наткнулся на неприятельские силы числом не менее 5 тыс. человек. После этого полковник Чеснок, с его собственных слов, предложил отводить обоз к Лысой горе, в 20 км к северо-востоку от Мигеи, и с основными силами отступать туда же, наблюдая за неприятелем. Однако Ртищев решил двигаться дальше, встретил и опрокинул малочисленный татарский отряд. По всей видимости, со стороны татар это было не что иное, как притворное бегство – исконный боевой прием степной конницы, прекрасно известный, но оттого не менее эффективный. Конница Ртищева гналась за татарами до яра, из которого навстречу вылетели крупные массы неприятельской конницы.

Показания русских участников боя о численности противника сильно разнились. По словам полковника Чеснока, татар было около 40 тыс. человек, при них около 100 знамен, не считая множества малых значков. Несомненно, это было сознательным крупным преувеличением. Другие опрошенные оценивали численность татарского войска при Мигее в пять, более восьми, двадцать тысяч человек. Вообще же в условиях быстротечного боя в степной местности подсчитать даже приблизительно, «на глаз», численность крупного отряда подвижной татарской конницы было практически невыполнимой задачей. Но в любом случае не вызывает сомнения, что русский отряд столкнулся с многократно превосходящими силами татар.

Кем же был их противник? Весной 1769 г. основные военные силы Крымского юрта не были сосредоточены единой массой. Назначенный Портой на смену умершему Крым-Гирею новый хан Девлет-Гирей IV прибыл в Каушаны, административный центр Буджакской орды и военную столицу Крымского ханства. По данным русской разведки, в мае месяце он находился там и постепенно собирал свои силы для предстоящей летней кампании. Ядро его войска, помимо ханской гвардии и некоторых подразделений из самого Крыма, должны были составлять татары Буджака. А степи между Днестром и Южным Бугом с 1720-х годов были местом обитания кочевой Едисанской орды – самой многочисленной и воинственной

из подвластных Крыму ногайских орд. Она принимала активное участие в зимнем нападении Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию, причем, по свидетельству французского консула Ф. де Тота, в разгар похода едиганцы бросили хана и самовольно повернули в родные степи, чтобы не делиться захваченной добычей и ясырем [9, с. 170].

В мае 1769 г. Кош Запорожский сообщал киевскому генерал-губернатору Ф.М. Воейкову, что, согласно показаниям пленного татарина, «Едиганская орда расположилась от Очакова по-над р[екою] Бугом, простираясь до Кодыма» [16, с. 108]. Так что, с наибольшей вероятностью, в боевом столкновении про урочище Мигея участвовали именно едиганские ногайцы, причем, судя по численности и боеспособности их войска, это были наиболее отборные силы всей орды. Мы не знаем точно, кто был предводителем татарского войска при Мигее. Захваченный тогда в плен и вскоре бежавший компанейский казак Иван Нестеров показал, что он был привезен в лагерь татар при Кодиме, где стоял их главный начальник – «ханский сын, называемый султаном». По всей видимости, этот знатный татарин был сераскер-султаном Едиганской орды, то есть наместником-правителем из числа близких родственников правящего хана. Однако из-за слишком частых в то время перемен на ханском престоле (с 1764 по 1769 г. сменилось пять ханов) и других высших должностях Крымского юрта мы не знаем, кто весной-летом 1769 г. был едиганским сераскер-султаном.

После встречи с главными силами татарского войска командирам российского отряда стало очевидно, что противник обладает подавляющим численным превосходством. Полковник Чеснок предложил бросить обозы и спешно отступать, однако Ртищев принял решение отступить к построенному вагенбургу у Бугского камня и обороняться там насмерть. Русский отряд смог в порядке вернуться к Мигее и занять оборону; лошади были заведены в центр вагенбурга, компанейцы расположились на правом фланге, пикинеры на левом. Почти сразу после этого татары подошли к русскому укреплению, охватили его со всех сторон и без промедления атаковали, сначала – в конном строю. Защитники вагенбурга оборонялись ружейным огнем и пиками. Об ответной стрельбе со стороны татар опрашиваемые ничего не сообщали, так что, по всей видимости, атакующие делали ставку на скорость, силу натиска и холодное оружие. По словам компанейского полкового священника Марка Зеленского, противник безуспешно атаковал пять раз и затем, «спешившись, стремительно напал на правой фланг и, брося два знамя на возы, оные разорвав, привел всю команду в смятение». Это был решающий, кульминационный момент всего боя, за которым последовала быстрая и кровавая развязка. Приведенные слова Зеленского о двух брошенных на возы знаменах можно истолковать двояко: либо он имел в виду, что в решающий приступ на русский вагенбург были броше-

ны два знамени как тактические единицы, примерно по 40 человек каждая; либо же – два татарских значка или бунчука были в буквальном смысле брошены на русские возы, чтобы ради их возвращения атака велась с максимальным мужеством и порывом (довольно хорошо известный в военной истории психологический прием).

Большинство допрошенных участников боя сходились в том, что среди татар при Мигее было много воинов в панцирях. По некоторым показаниям, отборный татарский отряд на острие прорыва был одет в панцири, что и помогло обеспечить успех штурма вагенбурга. В любом случае, несколько возов были опрокинуты, вагенбург разорван. Обороняющиеся пришли в смятение, но еще около четверти часа после этого шел ближний бой на саблях и пиках. Свои ружья многие компанейцы и пикинеры были вынуждены бросить, так как это были неудобные для скорого заряжания винтовки с деревянными шомполами. После этой отчаянной схватки сопротивление обороняющихся было сломлено, они обратились в бегство поодиночке и небольшими группами. В тот момент был убит командир русского отряда секунд-майор Михайла Ртищев; согласно показаниям полковника Чеснока, это произошло у него на глазах. Спасаящиеся искали убежища в расселинах «камней», то есть в гранитных скалах на берегу Буга, а некоторые бросались в реку, стремясь вплавь или вброд добраться до островов. В ходе бегства многие были убиты и взяты в плен. Несмотря на полное поражение и беспорядочное бегство, некоторые казаки и пикинеры сохранили оружие и начали отстреливаться из своих расселин, нанося противнику потери. Татарское войско не стало задерживаться у захваченного вагенбурга, чтобы попытаться подавить последние очаги сопротивления и достать уцелевших из труднодоступных расселин. В тот же день до темноты татары отступили к своему лагерю и затем ушли на свою территорию, к Кодиме.

Разгром русского отряда у Мигее был полным. Согласно реляции П.А. Румянцева от 2 июля 1769 г. и приложенной к ней ведомости, из 402 компанейцев были убиты, взяты в плен или пропали без вести 289 человек, а из 334 пикинеров – 259 человек. Впрочем, главнокомандующий подчеркивал, что эти цифры были зафиксированы по «горячим следам» поражения. В последующие дни, как писал Румянцев, «из них многие найдены и сами приходят из своих убежищ, в которые было рассеялись, а иные и за Днепром уже пойманы уходящие тайно, не являясь команде, в свои дома». Однако документы не подтверждают, что командованию удалось найти и вернуть в строй значительное число людей, по крайней мере, из пикинеров. Согласно «Рапорту о состоянии Днепровского пикинерного полку людей и лошадей за майскую 769 году треть» от 30 августа 1769 г., из состава бывшей в Елисаветградской провинции при 2-й армии пятисотенной команды неприятелем были убиты секунд-майор Михайла Ртищев, полковой адъ-

ютант Аким Бучинской, прапорщики Аким Колбаса и Степан Мороз, подлекарь Максим Стаинской; по точным сведениям, в плен попали поручик Степан Устимович и старший писарь. Потери рядовых пикинеров убитыми, пропавшими без вести или взятыми в плен составили 253 человека [2, л. 697–699]. То есть, цифры, приведенные в реляции Румянцева, остались практически неизменными; для Днепровского пикинерного полка это были безвозвратные потери.

Главнокомандующий 2-й армией граф П.А. Румянцев был крайне раздражен случившимся у Мигеи и не замедлил с поиском и примерным наказанием виновных. Так как старший командир отряда майор Михайла Ртищев пал в бою, то главным объектом начальственного гнева стал следующий по старшинству полковник Карп Чеснок. По распоряжению Румянцева, он был арестован и затем вместе со всей компанейской старшиной отдан под суд Малороссийской коллегии, а поручик Днепровского полка Матвей (в других документах – Иван) Волковицкий – под суд Новороссийской губернской канцелярии (согласно их подведомственности). В этом эпизоде проявилась одна крайне неприглядная черта графа Петра Александровича как военачальника. При каждой частной неудаче вверенных ему войск он спешил возложить всю вину на их непосредственных командиров, своих подчиненных, и обвинить их в пренебрежении его инструкциями и правилами военного дела. Так было с генерал-майором А.С. Исаковым после зимнего набега Крым-Гирея, с секунд-майором А. Анрепом, погибшим со своей егерской командой у стен монастыря Комана в Валахии 14 декабря 1769 г., с генерал-поручиком Х.Ф. фон Штофельном в его тяжелой кампании на нижнем Дунае зимой 1769/70 года, с секунд-майором Я. Гензелем, вынужденно сдавшим превосходящим силам турок придунайскую крепость Журжа в 1771 г., и еще в других подобных ситуациях.

В случае с поражением у Мигейского Ташлыка, по мнению Румянцева, главной причиной неудачи стала грубая ошибка командиров: «Непростительная погрешность против военных правил и всякого благоразумия, что сия легкая команда засела в вагенбурге, достойна сама по себе строжайшего истязания, ибо средство сея обороны приемлется только в самых крайностях и когда нет другого пути к спасению» [3, л. 257–263. П.А. Румянцев – императрице Екатерине II. Реляция. 2 июля 1769 г. Из шанца Мошорин. № 6]. Начальственного гнева не избежали и рядовые участники боя. Указывая, что большинство спасшихся явились без оружия, Румянцев обвинял их в трусости и преждевременном бегстве. Кроме того, он считал неправдоподобным и отказывался верить тому, что после взятия вагенбурга, во время истребления русского отряда сумело спастись около трети людей («тут не только так многому числу, то есть около двухсот, но едва и одному человеку спастись возможное дело») [3, л. 257–263]. При этом генерал-

аншеф явно не принимал во внимание подробно описанные участниками боя особенности местности у Бугского камня, которые и позволили им укрыться от татар.

По горячим следам поражения у Мигеи Румянцев распорядился и о наказании участников того боя. По словам его собственной реляции, он приказал всех «рядовых компанейцов, яко недостойных владеть более оружием, из которого они обнажились, не чрез силу неприятеля, но от страха, написать в извошки и распределить в полки регулярные, а пикинеров наказав, выслать на место их к укомплектованию полку других» [3, л. 257–263].

Как мы видим, наказание было массовым, достаточно суровым и унижительным. Впрочем, неизвестно, были ли все эти карательные меры воплощены в полном объеме и, в частности, дошло ли до суда дело полковника Чеснока и других офицеров и каков был вердикт. Во всяком случае, согласно «Малороссийскому родословнику», в 1774 г. К.К. Чеснок продолжал служить в прежнем чине в 3-м Компанейском полку [12, с. 34], то есть, очевидно, ему удалось избежать особо серьезного наказания.

Оба российских полка, понесшие тяжелые потери при Мигее, сумели оправиться от этого поражения. Днепровский пикинерный полк восполнил убыль в офицерах за счет переводов из других частей, а в рядовых пикинерах – путем зачисления своих же казаков «прежнего звания». По донесению нового командующего 2-й армией графа П.И. Панина, в декабре 1769 г., на момент завершения кампании, Днепровский полк насчитывал 1052 человека, в том числе 820 пикинеров (правда, из них значительное число было показано в отлучках) [4, л. 129. П.И. Панин – императрице Екатерине II. Всеподданнейший репорт о том состоянии второй армии, в каком она ис компании выступила и расположилась в зимния квартиры на заграждение от неприятеля порученных под стражу ея границ. Декабрь 1769 г.]. С другой стороны, в конце 1769 г. произошел массовый самовольный уход (фактически – дезертирство) нижних чинов Днепровского и Донецкого пикинерных полков в запорожские поселения, что вынудило Панина применить репрессивные меры. Главной причиной этих волнений стал ускоренный перевод пикинеров из прежнего казацкого в регулярное кавалерийское состояние. Но нельзя исключить, что и тяжелое моральное впечатление от поражения при Мигее также внесло в это свой вклад. В 1770 г. Днепровский пикинерный полк в составе главных сил 2-й армии принимал участие в походе на Бендеры, а в последующие кампании воевал на Дунайском театре.

В 1-м и 3-м Компанейских полках после трагедии у Мигеи насчитывалось, по состоянию на 5 августа 1769 г., всего 99 и 80 человек соответственно [18, с. 10]. При этом компанейцы не имели таких обширных ис-

точников пополнения живой силой, как поселенные пикинерные полки. Однако и им удалось в какой-то мере восполнить убыль. Компанейские полки также участвовали в следующих кампаниях русско-турецкой войны, действовали в Крыму, но участие их в боях с противником по документам не прослеживается. А вскоре после окончания войны, в 1776 г., все три Компанейских полка были переформированы в три регулярных легкоконных полка – Киевский, Черниговский и Северский.

* * *

Бой у Мигейского Ташлыка не оказал сколько-нибудь значительного влияния на ход военной кампании 1769 г. и на действия русской 2-й армии в частности. Ее командующий граф П.А. Румянцев с самого начала был настроен чрезвычайно осторожно. Со стратегической точки зрения его решение перед началом кампании отвести все регулярные войска на левый берег Днепра для укомплектования и подготовки было вполне рациональным и прагматичным. Однако в этих условиях для обороны правобережных владений России – Елисаветградской провинции и Вольностей Запорожских – он не мог предложить ничего иного, кроме прикрытия границы цепью уязвимых кордонов из легкой полурегулярной конницы. И это, помимо прочего, служит доказательством, что якобы изобретенная Румянцевым пресловутая концепция активной «сосредоточенной обороны» и его решительный отказ от кордонной системы применительно к событиям кампании 1769 г. являются лишь мифом, голословным измышлением военных историков «русской патриотической» школы конца XIX в. и их советских эпигонов. Помимо прочих сложностей организации защиты протяженной степной границы, весной и в начале лета 1769 г. главнокомандующий русской 2-й армией не имел сведений о силах и передвижениях татарской конницы. Именно поэтому появление на Буге крупных сил Едисанской орды застало русские войска врасплох, и поблизости не было сил для оказания помощи атакованному посту.

После неудачного отражения зимнего набега Крым-Гирея уничтожение двух полков легкой конницы у Мигеи стало второй кряду неудачей Румянцева в должности главнокомандующего 2-й армией. Однако она не оказала никакого негативного влияния на репутацию Румянцева при дворе и его дальнейшую карьеру полководца. Скорее наоборот, факт дерзкого и успешного нападения многочисленных татарских сил на русский пост на Буге стал и для Румянцева, и для вышестоящего руководства зримым подтверждением реальности угрозы нового татарского нападения. По сути, это происшествие дополнительно оправдывало пассивно-оборонительный образ действий Румянцева во главе 2-й армии в течение всей летней кампа-

нии 1769 г., вплоть до момента назначения его на должность командующего 1-й армией в августе 1769 г. Вообще же Румянцеву в ту кампанию не удалось добиться никаких успехов против татар. Высланный им корпус М.В. фон Берга действовал неудачно на Крымской степи, а затем, после преждевременного ухода по домам калмыков и донцов, отряды татарской конницы сумели прорваться в возникшее пустое пространство в приазовских степях и разорили запорожские зимовники. Так что до самых сражений при Рябой Могиле и Ларге летом следующего 1770 г. Румянцев так и не смог одержать ни одной победы над татарами.

В тактическом отношении отряд Ртищева и Чеснока при Мигее полностью уступил своему противнику. Русские проглядели появление крупных татарских сил на левом берегу Буга, то есть уже в российских владениях, неумело вели кавалерийскую разведку, поддались на уловку с притворным бегством противника, затем не сумели оторваться от его главных сил, возможно, из-за своего более слабого конского состава. Наконец, Ртищев, совершив вольную или вынужденную ошибку, принял роковое решение обороняться в вагенбурге. Подвергнувшийся нападению столь крупных татарских сил, пост у Мигее был обречен. Можно задаваться умозрительным вопросом, был бы способен в подобной ситуации и при таком соотношении сил выстоять в обороне, в каре или полевом земляном ретраншаменте, батальон регулярной пехоты с исправными мушкетами и достаточным боезапасом. Но два полурегулярных конных полка из малороссийских казаков, с разномастным и устаревшим вооружением и без пушек, защищавшиеся в вагенбурге из возов, не имели шансов на успех. Их гибель была предreshена в тот момент, когда Ртищев принял решение запереться и обороняться на месте. Однако такой достаточно объективный источник, как протокол массового опроса участников боя, свидетельствует, что русские пикинеры и компанейцы, сознавая гибельность ситуации, мужественно сражались и продолжали сопротивляться до последней возможности. Насколько позволяют судить документы, после взятия вагенбурга массовой сдачи в плен не случилось.

Заслуживающим внимания представляется следующее наблюдение. В войнах XVI–XVII вв. противники Крымского ханства вполне отточили искусство обороны в вагенбургах, взятие которых представляло большую трудность для татар. С развитием военного дела в XVIII столетии появлялись новые, еще более действенные тактические приемы борьбы с татарской конницей в степи – пехотные каре различного размера, с пушками, рогатками, залповым мушкетным огнем. Но в бою у Мигейского Ташлыка 7 июня 1769 г. два полка русской конницы проявили себя как бы «застрявшими» между двух эпох. Они не обнаружили необходимого мастерства в обороне вагенбурга, очевидно, этот специфический старинный навык был

утрачен компанейцами и пикинерами. Но названные полки и не обладали достаточной огневой мощью для отражения татарской конницы с помощью новой тактики. Это и предопределило их печальную участь.

Для Крымского ханства бой у Мигейского Ташлыка стал полным и несомненным военным успехом, пусть и местного значения. Несмотря на безвременную утрату энергичного хана Крым-Гирея и вызванные этим перестановки в высшем эшелоне власти, вооруженные силы Крымского юрта не утратили способности к активным действиям. Во всяком случае, русским конным полкам Ртищева и Чеснока выпала злосчастная судьба натолкнуться на весьма многочисленный, подвижный и боеспособный отряд татарской конницы. Ядро его состояло из некоторого числа панцирных воинов. По всей видимости, это были лучшие, отборные силы Едисанской ногайской орды, которые после зимнего грабительского набега вновь находились в сборе и вполне боеспособны. Даже если в их намерения не входило вновь вторгаться вглубь Елисаветградской провинции, они действовали весьма активно, притом в российских владениях, на левом берегу Южного Буга.

В эти дни татарская конница доказала свою способность незаметно передвигаться крупными массами, смогла необнаруженной подойти на достаточно близкое расстояние к русскому посту, с успехом применила тактику притворного бегства и заманивания в засаду, затем, искусно маневрируя, сумела быстро окружить вагенбург. Используя свое подавляющее численное преимущество, татары решительно и настойчиво штурмовали укрепление противника и, направив на острие атаки группу спешенных воинов в панцирях, смогли разорвать вагенбург и ворваться внутрь его. Затем, не теряя времени, татары отступили с добычей и пленными в Едисанскую степь. Фактически, ими была успешно проведена своего рода разведка боем.

В ближайшие недели после этого, когда главные силы османской армии во главе с великим визирем прибыли к Бендерам, ее командование всерьез рассматривало возможность нового вторжения в Елисаветградскую провинцию. Несомненно, в этом случае татарская конница действовала бы в авангарде. Однако затем наступление русской 1-й армии на верхнем Днестре и осада Хотина вынудили турок направить главные силы в ту сторону, и в качестве подвижного легкоконного передового корпуса туда были двинуты главные силы Крымского ханства во главе с Девлет-Гиреем IV. Однако боевые действия на Днестре в районе Хотина в августе-начале сентября 1769 г. оказались неудачными для османско-татарских сил и привели к полному проигрышу ими кампании того года, падению Хотина и оставлению большей части Молдавии. Неудачно проявили себя в них и татарские силы, что и стало причиной последовавшего смещения Портой

Девлет-Гирея IV. В целом после кампании 1769 г. военное счастье окончательно отвернулось от Крымского ханства. Описанный нами бой у урочища Мигея 7 июня 1769 г. можно с полным правом назвать последней в истории победой, одержанной вооруженными силами Крымского юрта в полевом сражении⁵. Конница Крымского ханства уходила со сцены всеобщей военной истории, и за ее последними частными триумфами неизбежно должны были последовать горькие неудачи и утраты.

В целом, бой у урочища Мигея стал ярким и поучительным тактическим эпизодом. В нем отряд вооруженных сил современной европейской армии был полностью разбит и уничтожен степной конницей противника, который и считался у европейцев, и объективно находился на стадийно более низкой ступени развития вооруженных сил. В этом отношении невольно приходят на ум некоторые смысловые параллели со знаменитым в американской истории боем на речке Литтл-Бигхорн 25–26 июня 1876 г., в ходе которого 7-й кавалерийский полк армии США под командованием подполковника Дж.А. Кастера оказался окружен, атакован и уничтожен превосходящими силами индейской конницы нескольких племен Великих равнин. Правда, в этом последнем случае действовала регулярная армейская часть, тогда как у Мигея сражались полурегулярные компанейцы и пикинеры. Но обращает на себя внимание и целый ряд схожих черт. В обоих эпизодах из-за опрометчивости военачальников небольшой отряд кавалерии оказался отрезан, окружен и настойчиво атакован превосходящими силами степной конницы противника. Как Ртищев с Чесноком, так и Кастер тщетно пытались защищаться до последнего на импровизированных оборонительных позициях, однако те были взяты штурмом, с последовавшим истреблением большей части злосчастных отрядов. В бою пали оба старших командира, Ртищев и Кастер. И даже численность их отрядов практически совпадает – порядка 700 человек в обоих случаях.

Единичный тактический успех татарского войска у Мигея никоим образом не дает оснований для качественной переоценки его боевых возможностей в последний период истории Крымского юрта. Против русской регулярной армии образца второй половины XVIII в., прошедшей боевую школу европейской Семилетней войны, татарская и ногайская конница в полевом сражении была бессильна. Победа ее при Мигее, как и ряд других событий кампании 1769 г., подчеркнула низкие боевые качества полурегулярных украинских конных полков и подтвердила необходимость их полного и окончательного переформирования в регулярную армейскую кавалерию.

⁵ Последней же успешной для Крымского ханства военной кампанией, по нашему мнению, стала Днестровская кампания 1738 г., в ходе которой действия крупных сил татарской конницы в значительной степени предопределили провал похода русской армии Б.К. Миниха к Днестру через степи.

лерию. Безвестные же могилы Днепровских пикинеров и компанейских казаков у урочища Мигеи должны служить незримым памятником последнего этапа многовековой кровавой борьбы оседлой Руси и кочевников Великой Степи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые документы, согласно правилам, воспроизводятся с сохранением орфографических особенностей подлинника. Для удобства восприятия смысла знаки препинания приведены в соответствие с современными правилами синтаксиса. В случаях, когда слитное или раздельное написание частиц и предлогов со словами не вполне ясно, выбор делается в пользу варианта, соответствующего современной орфографии. Сокращенные слова с применением диакритического знака титла даются в полной форме. В императорских титулах, писавшихся в то время целиком прописными буквами, нами оставлены заглавными лишь первые буквы. Номера листов архивного дела указываются в квадратных скобках после соответствующего фрагмента текста; в данном деле нумерация листов сплошная (отдельный номер на каждой странице, без оборотов). В документе № 3 для удобства восприятия имени и должности опрошенных выделены нами полужирным шрифтом.

1.

1769 г. июля 2. – Всеподданнейшая реляция главнокомандующего 2-й армией генерал-аншефа графа П.А. Румянцева императрице Екатерине II. Из шанца Мошорин. № 6.

Всепресветлейшая, державнейшая великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссийская

Государыня всемилостивейшая!

Всеподданнейшею моею реляциею от 14го июня доносил я Вашему Императорскому Величеству о разбитии неприятелем одного передового поста, держанного компанейскими козаками и пикинерами [л. 257], и что о произшедшем при сем случае уроне следует, равным образом и достоверности показания арестованного полковника Чеснока. А по отысканным теперь осведомлениям оказалось, что при бывшей на сей пост в урочище Мигейском Ташлыке при реке Бугу от неприятеля атаке состояло Компанейцов при их полковнике Чесноке 402, а пикинеров Днепровского полку 334 с майором Ртыщевым. После разбития не является Компанейцов 289, а пикинеров 259 человек, коих всем чином присоединяю при сем ведомость.

Числа сего обеих команд нельзя достоверно считать ни между убитыми, ни между пленными, потому что из них многие найдены и сами приходят из своих убежищ, в которые было рассеялись, а иные и за Днепром уже пойманы уходящие тайно, не являясь команде, в свои дома: как и в самую ту пору, когда первые известия гласили, и самим полковником Чесноком принесенные, что они все наголову побиты, явилось 188 человек спасшихся, из чего следует не без основания заключение, что из сих козаков и пикинер, числящихся пропальными, многие пребывают в подобном товарищам их, уже найденным, укрывательстве [л. 258].

Я при сем подношу к высочайшему Вашего Императорского Величества усмотрению экстракт из допросов, взятых от всех чинов, по разбитии явившихся, коим образом неприятель на их нападение, а они оборону свою чинили.

Непростительная погрешность против военных правил и всякого благоразумия, что сия легкая команда засела в вагенбурге, достойна сама по себе строжайшаго истязания, ибо средство сея обороны приемлется только в самых крайностях и когда нет другого пути к спасению, а сим козакам оставалось еще довольно времени и свободы от превосходной силы ретироваться безвредно, отдалив от себя прежде или бросив уже свои обозы, коих и иметь им с собою не надлежало, яко они поставлены только для разведования и уведомления о движении неприятельском. Но как сей предосудительной поступок по оправданию спасшихся и по самой справедливости относится к действиям майора Ртищева, который, предводителем будучи сей команды, приступил к недолжному и пагубному предприятю и вину [л. 259] в том свою заплатил ценою и собственной жизни, то кроме сего предосуждения в обстоятельствах, оному же подобных, не могут изъяты быть от участия все от разбития спасшиеся старшины и рядовые. Хотя они в допросах своих и показывают, что не прежде приступили искать себе бегством спасения, как уже неприятель вломился в вагенбург, а иные подобно полковнику Чесноку, что они якобы, ополчаясь в силах оружием, не допустили одолеть себя неприятелю, однако же в том вероятности известное искусство военное противится, потому что когда неприятель разломал вагенбург, окружа оный, по их собственному показанию, со всех сторон, то тут не только так многomu числу, то есть около двухсот, но едва и одному человеку спастись возможное дело. Равным образом, ежели бы они рукою обороны спаслись, то осталось бы в знак того при них оружие, коего ни у которого из них не имеется. Так сама справедливость вводит в заключение, что сии все чины, оставшие от разбития, должны служить своею жизнью не храбрости, но малодушию и недостойной робости, которые понудили их конечно [л. 260] в начале сражения других с неприятелем обратиться в бегство, бросив все свое вооружение, и искать постыдным обра-

зом в реке, болоте и расселинах каменных токмо безопасности, забыв о славе оружия и предав многих собратьев своих, обессиленных уже чрез побег их толь знатною частью своих поборников, лютости неприятеля, которые пали с оружием в руках, и ежели б их примеру следовали все сии спасенные, то может быть отпор единокдушный устрасил бы неприятеля или б, по крайней мере, получил он превозможение над ними за чувствительную себе цену. Посему уважению и чтоб пример сего события означенить при нынешнем случае для всякого из пребывающих в вверенной мне армии нерегулярных войск, повелел я всех рядовых компанейцов, яко недостойных владеть более оружием, из которого они обнажились, не чрез силу неприятеля, но от страха, написать в извошки и распределить в полки регулярные [л. 261], а пикинеров наказав, выслать на место их к укомплектованию полку других. Над полковником же Чесноком и прочими компанейскими старшинами, так как и над поручиком пикинерного полку Волковицким держать военный суд, над первым малороссийскою коллегии, а над последним новороссийскою губернской канцелярии.

После отправления моей всеподданнейшей реляции от 26 июня я еще остаюсь в сем месте, покудова для армии перепечен будет хлеб в запас на месяц к дальнему движению, которое крайней уже осмотрительности требует в рассуждении отдаленных вверх за Днестр генерала князя Голицына со всею армиею движений, о чем я имел честь Вашему Императорскому Величеству изъясниться в упомянутой всеподданнейшей реляции.

По отпуске сего о неприятельских движениях передовыми войсками ничего не примечено ни от стороны Орла, ни от Польши, а партии, посланные к Гумани и Бугу, еще не возвратились.

На сих днях кошевой атаман [л. 262] Калнишевский в соединении с армиею с Запорожским войском прибыл, которому я нужные впереди посты занять повелел, также и четыре тысячи Калмык и последняя тысяча донских Козаков.

От Генерала Поручика Берга получил я репорт от 25го июня, что он, приступая к повеленному от меня предприятию на Крым, уже находится при Калчике и на другой день, то есть 26го, запасшия к дальшему походу провиантом, с корпусом своим сделает движение к Бердам.

Артиллерии от генерал-майора Ливина имею я репорт, что пятьдесят понтонов в Киеве уже состроены, а и остальная половина оных вскоре же имеет быть окончена, которые и приказал я одни за другими отправить к армии.

Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший раб
Граф Петр Румянцов

Июля 2
1769 года
Из Главной Квартиры Мошорина
[л. 263]

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 257–263. Подлинник. Рукопись чернилами, четким писарским почерком второй половины XVIII в. Подпись-автограф П.А. Румянцева

2.

[1769 г. июля 2]. – Ведомость потерь убитыми и пропавшими без вести Днепровского пикинерного и 1-го и 3-го Компанейских казачьих полков в бою при урочище Мигея 7 июня 1769 г.

Ведомость после разбития[я] поста при Мигийском Ташлыке убитым и безвестно пропавшим чинам

Днепровского пикинерного полку
Майор 1
Порутчик 1
Адъютант 1
Прапорщиков 2
Подлекарь 1
Писарь 1
Ундер афицеров, рядовых и прочих нижних чинов 252
Итого 259

Компанейских 1го и 3го полков
Полковой писарь 1
Полковых есаулов 2
Сотник 1
Сотенных есаулов 8
Хорунжих 4
Атаманов 21
Козаков 252
Итого 289
Генерал Петр Румянцов

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 264. Подлинник. Рукопись чернилами. Подпись-автограф П.А. Румянцева

3.

[1769 г. июля 2]. – Экстракт из протоколов допросов уцелевших чинов Днепровского пикинерного и 1-го и 3-го Компанейских казачьих полков о событиях боя при Мигее 7 (18) июня 1769 г.

Экстракт из допросов бывших в урочище Мигее и от разбития татаранами спасшихся пикинерного и компанейских полков старшин и рядовых, коими они показали

Полковник Чеснок

Что посланная от него в пятидесяти человеках козаков партия 7го числа июня на зоре татарами захвачена и разбита, а спасшиеся из оной только два человека о том его уведомили, и потому он немедленно дал знать майору Ртищеву и Пищевичу, из коих первый с небольшим числом пикинеров к Мигею прибыл и, сделав расположение, чтоб следовать противу неприятеля для познания оного сил, а в ночь возвратиться в Красную Слободу и соединиться с показанным майором Пищевичем и полковником Забелюю, о том к ним и к генерал майору Зоричу писал. А между тем велел состоявший [л. 265] в Орле пикинерной обоз к Мигее же перевести и, соединя оной с козачьим, сделал вагенбург, примкнув двумя сторонами к лежащему при реке Буге камню, имеющему в себе так называемые скалы или раселины, а потом и пошел со всею командою прямо к Гарду, командировав пред собою с тритцатью козаками асаула Жеребецкого и сотника Мартиновича, но когда оные, возвратясь вскорости, ему репортовали, что неприятель близко и, по их мнению, не менее как в пяти тысячах человек, а он, полковник, докладывал ему, чтоб, отправя обозы к Лысой Горе, с командою ретироваться назад, примечая по возможности неприятельские движения, то он, отвергнуши его совет, продолжал начатой путь.

В сем пути наехав малую неприятельскую партию, оную атаковал и, обратя в бега, гнался до яру, а [л. 266] увидев скоропостижно выбегшаго из того яру неприятеля, по примечанию не менее как в сороку тысячах, имевшего более ста знамен, не считая множественного числа маленьких значков, ретировался обратно к Мигее. И хотя он, Чеснок, советовал ему, брося обозы, следовать далее, но он, пренебрегши по подобию первого и сей совет, вошел со всею командою в вагенбург и, устыв лошадей посредине, козаков и пикинеров построил с трех сторон подле возов и, оставя себе команду над левым, ему, Чесноку, поручил правый фланг. В скорости неприятель со всех трех сторон напал на вагенбург конницею, но не будучи в состоянии причинить какой-либо вред, отступил и, спеша часть своих людей, с превеликою жестокостию пехотою и конницею вторично атаковал. Тут сколько ни употребляемо [л. 267] было сопротивление стрельбою и

пиками; но неприятели, будучи большою частью панцырные и потому мало вредимы, разорвав на правом фланге возы, в обоз ворвались и превосходным числом всю команду привели в смятение и, побивши многих, оставшее малое число принудили обратиться в бег и искать спасения, где кто мог. При сем случае майор Ртищев в виде его, Чеснока, убит, а он с двадцатью человеками, попом и маркетентером засел в скале и из оной противу нападающих отстреливался и по удобному сего убежища положению все их покушении делал тщетными и таким образом спасся.

Асаул Жеребецкий

Соглашаясь во всем с вышеписанным, прибавляет, что он посылан был с последнею партией [л. 268], видел неприятеля тысячах в пяти, о том майору Ртищеву репортовал, что неприятель наступал, разделяясь на две части, одною прямо противу обозу, а другою, зашедши скрытно по балкам, с другой стороны нападение зделал, а когда оной ворвался уже на правом фланге в обоз, то полковник подводил к тому флангу на помощь козаков, и что по разбитии команды он, Жеребецкой, спасая свою жизнь, бросился в воду и, переплыв в остров, на реке Буге имеющейся, тамо укрылся, а где Чеснок девался, он тогда не видал.

Полковой писарь Петровской, полковой хоружий Покотило, сотники Мартынович и Новицкой

Согласно ж показали, а писарь войсковой Петровской разнится только тем [л. 269], что неприятель не с двух противных сторон, но с одной шел в разных двух кучах: одна горою, а другая долиною, а пришед на гору, соединился и в самое то время как бы половинная часть, отделясь, скоропостижно побежала на ту сторону лагеря к Орлу и потом вдруг окружили лагерь, так же панцырных он не приметил и не видал. А майор Ртищев убит ли и куды полковник Чеснок девался, они все не видали же, но Чеснок при команде был до самого разбития.

Священник Марко Зеленский

Прибавляет, что по повелению майора Ртищева и полковника Чеснока, когда они возвратились с командою к обозу, служил он молебен и что в самое то время многочисленной [л. 270] неприятель, по его примечанию, тысячах в двадцати, шел и атаковал лагерь таким образом, как показал писарь полковой, что пять раз оный отбит был и наконец, спешившись, стремительно напал на правой фланг и, брося два знамя на возы, оные разорвав, привел всю команду в смятение, и что он в самое то время спрятался в расселине камня, у реки Буга стоящаго, нашел тамо несколько козаков, которые, отстреливаясь от неприятелей, двоих из них убили. После чего протчие ушли и более уже не нападали. Мало спустя начали из под каме-

ньев собираться и еще козаки, а за ними из нижней скалы и полковник Чеснок туда же пришел.

Маркитентер

Что когда показался неприятель во множественном [л. 271] числе, то майор, полковник и афицеры уговаривали рядовых, чтоб не робели, а полковой священник начал служить о победе неприятеля молебен, в самое то время другая неприятельская партия, от Орла скрытно зашедшая, сделала нападение и, многократно будучи отбита, отступила и, спешась, вторично пехотой и конницею набежали на обоз. Разорвали возы и, приведши всю команду в смятение, обратили в бег, а он между тем с священником спрятались в расщелину камня, куда и козаков человек до десяти после к ним прибежало, а неприятель, гнавши за ними, вслед палил, но повредить их не мог, а когда вбежали в расщелину, то отстреливались, и как неприятель пошел назад, тогда он, вышедши оттуда, увидел и полковника Чеснока, а прежде вместе он с ними не был. [л. 272]

Сотенные писари Федор Кодинец, Афанасий Домидовской, Павел Тимофеев, асаул сотенный же Карней Роспило и атаманы Григорей Сенька, Матвей Черепаха, Демян Чернявский, Григорий Погуляй, Давыд Озерской, Пантелимон Гордеенко и Пантелимон Слуцкой

Показывают во всем с вышеписанными согласно и что они также по разбитии неприятелем их обоза и приведя всех в смятение спасали себя бегством под расщелины камней и укрытием переплывом чрез реку в острове, а где тогда полковник Чеснок находился, они видеть уже не могли, только атаманы Сенька, Чернявской, Черепаха, Погуляй и писарь Коденецкой, будучи на островах, хотя и слышали чесноков голос, что всех оставших собирал в одно место, и своего сына кликал, но, будучи [л. 273] они в страхе, идти к нему опасались, а поутру уже на другой день вышли из острова.

Компанейские козаки числом шестьдесят девять человек

Показывая таким же образом, как вышеписанные иные, сказали, что они вогнаты были татарами в реку, иные что принуждены были прятаться по расщелинам камней; некоторые, что с полковником будучи в скале, от неприятелей отстреливались, а некоторые, что его с ними тамо не было, многие, что неприятель был в панцырях, а все согласно, что оной в великом числе атаковал со всех сторон вагенбург, вломился с левого флангу их разбить, и что они противустояли оному с крайним упорством и начальники их при них до совершенного разбития безотлучно были и что бегущих [л. 274] их и обороняющихся многих на берегу реки и в реке плывущих неприятели убивали.

Компанейской козак Иван Нестеров

Что он был в партии в числе пятьдесят человек и по разбитии оной неприятелем, состоявшим в дватцати тысячах или и более, взят в полон, где, связав ему назад руки, повели с собою и, приехав к горе, оставя его связанного назаде при выюченных лошадях, сами поехали к лагерю, а что там происходило, того не знает, а когда по разбитии обоза возвратились они с полученной добычью на то место, то видел он лежащих на возах битых неприятелей, а у одного их начальника, ехавшего на возу, перерублены саблею руки и завязаны платом, и в ночи под понедельник, перешед на два брода, Кременчуцкой и Чертолейской, остановились [л. 275] для корму лошадей по берегу реки Буга, а потом пошли по речке Чертолей и, перешед верст с тридцать, расположились в Кодиме лагерем. В сем месте везен он был мимо палатки их начальника ханского сына, называемого султаном, которой, увидя, приказал остановить и его к себе представить, и когда он был к нему приведен, то спрашивал его чрез переводчиков поляка и расколщика, а имени их не знает, знает ли он своего майора и афицеров, и как объявил, что он своих знать может, то послан с одним мурзою и четырьмя татарами по всему стану, чтоб, опознав, привести их к нему, почему, познав он полкового асаула Покотилова и пикинерного полку порутчика Устимовича, привел их к султану, которой чрез толмача расколщика спрашивал у порутчика про российскую армию, и кто при ней генерал, на что [л. 276] порутчик отвечивал, что идет при армии генерал граф Румянцов; на сие вторично спросил, не тот ли, что был в прусском походе, и много ль теперь с ним идет армии, так он отвечивал, что генерал тот, а об армии точно не знает, затем что про оную никто знать не может и состоит под секретом одного его. Потому еще спросил, где он с армиею стоит? И куда намерен, на Крым ли или на Очаков итти? На то оный сказал, что перешел уже Днепр и стоит за Елисаветом, а в которую сторону пойдет, того не знает. Потом вопрошал, сколько пушек и других каких припасов? Есть ли донские козаки, запорожцы, кирасиры и калмыки? Напротив чего он порутчик отвечивал, что есть полки всякие и без пушек российская армия не бывает.

Компанейские козаки Степан Писанка и Иван [л. 277, 278]⁶ Козар

Что и они были в партии в числе пятидесяти человек и по разбитии оной неприятелем взяты в полон и в прочем с Наливкиным сходно.

⁶ На одном листе проставлены два номера, далее нумерация продолжается обычным порядком. – *Публ.*

Яким Волков, Иван Головня и пикинер Сергей Чмихала

О разбитии неприятелем их вагенбурга показали с прочими согласно, причем Волков набежавшими татарами, Головня из расселины, когда он двух татар застрелил, а пикинер Чмихала из воды вытащены и взяты в плен.

Днепровского пикинерного полку порутчик Матвей Волковицкой

Когда майор Ртищев и со всею командою с полковником Чесноком в Мигее соединился, он при том был и по известию от посыланных о неприятеле, что во многом числе марширует, к генерал майору Зоричу [л. 279] он, майор, репорт послал, а между тем и неприятель стал показываться на курганах, тогда Ртищев приказал ему с командою, зделав поворот, чтоб неприятель видать не мог, ундер афицера с двадцатью человеками послал на дорогу, ведущую к Лысым горам, по которой неприятель, как казалось, пробирается, а сам с командою прибыл в Мигею, где имел с полковником совет, а о чем, он не знает; но когда неприятель виден был по примеру верстах в двух и полковник предлагал, чтобы, оставя обоз, ретироваться, то майор сказал, что на волю Божию дадимся, и ввел команду в вагенбург.

Спустя полчаса неприятель в полуверсте на горе остановился, а с другой стороны от Орла из за горы нечаянно другая неприятельская партия, про которую совсем никто и не знал, вдруг атаковала обоз конницу, но несколько раз была отбита [л. 280]. В то время из другой стоявшей на горе половины переехали с знаменами человек до ста и, спешившись, закричав, вдруг побежали на обоз, а за ними и вся конница, которой по примечанию до осьми или и более тысяч было. Тут началось жаркое сражение и не взирая на все усилие обороны, прибежав к возам, вдруг оные опрокинули и, ворвавшись на левом фланге в обоз, привели всех в смятение, тут еще защищались с четверть часа на пиках и саблях; ибо ружье, поелико оное было большею частью винтовки и с деревянными шомполами, принуждены были бросить. В сем случае, когда все разбиты были, старался и он с прочими искать спасения и убежал в берег, где видя захавшую неприятельскую конницу, бросился в воду и, нашед на мелкое место, рекою пробрался к острову один и видел, что оставшие захваченные от неприятеля долгое время еще рубились и некоторые спаслись, хотя и раненные [л. 281], подобным образом чрез реку, а некоторые уехали в расселины между камня.

Того ж полку вахмистр Петр Зюрков и писарь Арбузов

Согласно во всем с есаулом Жеребецким и порутчиком Волковицким, и что и они так же, сыскав спасение под расселинами камней, нашли попа, маркетанта и компанейцов несколько человек, которые против нападаю-

щих на них неприятелей отстреливались, а по отступлении их и полковник Чеснок пришел к ним из такой же разселины.

Пикинеры числом сорок человек

Во всем сходно против ответов порутчика Волковицкого и компанейских козаков как о приходе в Мигею с майором Ртищевым, о разбитии неприятелем их обоза, так о ретиреде от неприятеля к реке Бугу с отступкою пальбою, где они, совсем будучи разбиты, иные [л. 282] под разселинами камней, а другие, переплыв чрез воду, на острове убежали, но пред тем они как майором, так и полковником уговариваны были, чтоб не робели, и до того, как неприятель ворвался в обоз, как он, так и все старшины были при них неотлучно, а потом где полковник находился, они видеть не могли.

А из оных один пикинер в отмену только показал, что неприятель в одной партии был, а не в двух, а в прочем во всем с другими согласно. Некоторые же из них, что будучи в разселинах, от нападающего неприятеля отстреливались, и тем получили спасение [л. 283].

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 265–283. Подлинник. Рукопись, чернила. Без подписи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 10. Оп. 2/109. Ед. хр. 47. Разные дела Гусарского повытья Канцелярии Государственной военной коллегии за 1765 г.
2. РГВИА. Ф. 10. Оп. 2/109. Ед. хр. 78. Разные дела Гусарского повытья Канцелярии Государственной военной коллегии за 1767–1769 гг.
3. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1826. Реляции главнокомандующего 2-й армией генерал-аншефа графа П.А. Румянцева на имя императрицы Екатерины II. 1769 г. 412 л.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1853. Ч. 1. Реляции главнокомандующего 2-й армией генерал-аншефа графа П.И. Панина на имя императрицы Екатерины II. 1769 г. 143 л.
5. Высочайше утвержденный доклад «Об Украинской линии Славяно-Сербии, о состоящем за тою линиею поселении и о подчинении онаго к Новороссийской Губернии под единое право». 11 июня 1764 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 12. С. 795–799.
6. Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе войны Османской и Российской империй 1768–1774 гг.: к вопросу о «последнем татарском набеге» // Мемлекет тарихы / История государства. Астана, 2016. № 1. С. 33–57.
7. Грибовский В.В. Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / (г. Ростов-на-Дону,

6–7 мая 2016 г.) / Отв. ред. А.Л. Бойко, Д.В. Сень. Ростов н/Д.: «Альтаир», 2016. С. 76–82.

8. Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769 года. СПб.: печатан при Государственной Военной Коллегии, [1770]. 166 с.

9. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию. (С предисловием и послесловием С.Е.) // Киевская старина. 1883. Т. VII. № 9–12.

10. Каширин В.Б. «Набег татарской множественным числом учинен...»: нашествие хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию Российской империи зимой 1769 г. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей / гл. редактор К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 8–106.

11. Лазаревский А.М. Для истории компанейских полков // Киевская старина. 1901. № 9. С. 10–12.

12. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 5. Вып. 4. Киев; СПб., 2004. 80 с.

13. П.А. Румянцев. Документы. В 3-х томах. Т. II. 1768–1775 / сост. Е.П. Воронин, под ред. П.К. Фортунатова. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1953. 864 с.

14. Паласиос-Фернандес Р., Тинченко Я. Малороссийские компанейские и легкоконные полки в последний период своего существования. 1765–1785 // Старый Цейхгауз. 2014. № 3–4 (59–60). С. 4–15.

15. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. Год 1769. СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1866. 332 с.

16. Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. / Сообщил А.А. Андриевский. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1892. (оттиск из VII-й книги «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца»).

17. Славутич Є. Однострої Надвірної компанійської корогви гетьмана Кирила Розумовського // Історико-географічні дослідження в Україні : Зб. наук. пр. 2004. Вип. 7. С. 161–185.

18. Чапала М.М. «Компанейские три полка учредить совсем регулярными...». К истории 9-го гусарского Киевского полка. М.: Фонд «Русские Витязи», 2018. 68 с.

19. Шейхумеров А.А. Страшный и привычный враг: конница крымского ханства против вагенбурга (XVI–XVII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 103–110.

20. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.

21. La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770) / Edition de documents établie par Ferenc Tóth. Istanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p.

Сведения об авторе: Каширин Василий Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (119334, Ленинский проспект, 32А, Москва, Российская Федерация); vbkashirin@mail.ru

The Last Victory of the Crimean Yurt: The Battle near Migeяa Tract on June 7 (18), 1769

Vasiliy Kashirin

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to one remarkable and dramatic, but still completely unknown combat episode from the history of the initial period of the Russo-Turkish war of 1768–1774, the battle at Migeяa Tract in the summer of 1769 between two regiments of light cavalry of the Russian 2nd army and the vastly superior cavalry forces of the Crimean Khanate. As a result of the mistakes of their command and the fatal coincidence of a number of circumstances, the Russian regiments were surrounded by Tatars on the banks of the Southern Bug and tried to defend themselves in wagenburg. Despite of their fierce resistance, it was taken by storm, and most of the Russian detachment was destroyed. This was the last victory in history of the armed forces of the Crimean Khanate in a field battle.

The tragedy at Migeяa led to an official investigation of the surviving officers and lower ranks of the two defeated Russian regiments. The materials of their interrogations contain valuable factual and psychological details related to the events of that battle. The circumstances of the fighting at Migeяa reflected both: some of the strengths of the armed forces of the Crimean Khanate in the last period of its existence, and natural shortcomings of semi-regular cavalry units guarding the borders of Russian Ukraine – Company Cossacks and settled lancers regiments. Also, the events at Migeяa are a remarkable episode from the history of the command of General Count P.A. Rumyantsev of the Russian 2nd army in Ukraine in the campaign of 1769, and his reaction to what happened adds new details to his portrait as a commander and a human.

The article is based on previously unpublished documents from the collections of the Russian State Military Historical Archive (RGVIA). The most important of them, Rumyantsev's report and an extract from the interrogations of the participants of that battle, are published in the appendix to the article.

Keywords: Russian-Turkish War of 1768–1774, Crimean Khanate, Edisan Horde, Migeяa Tract, General-in-Chief Count P.A. Rumyantsev, Colonel Karp Chesnok, Major Mikhail Rtischev, Wagenburg, Company Cossack regiments, settled lancer regiments

For citation: Kashirin V.B. The Last Victory of the Crimean Yurt: The Battle near Migeяa Tract on June 7(18), 1769. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 2, pp. 29–65. DOI: 10.22378/kio.2023.2.29-65 (In Russian)

REFERENCES

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 10. Op. 2/109. Ed. khr. 47. Raznye dela Gusarskogo povyt'ya Kantselyarii Gosudarstvennoy voennoy kollegii za 1765 g. [Various files of the Hussar bureau of the Chancellery of the State Military Collegium, 1765]. (In Russian)
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 10. Op. 2/109. Ed. khr. 78. Raznye dela Gusarskogo povyt'ya Kantselyarii Gosudarstvennoy voennoy kollegii za 1767–1769 gg. [Various files of the Hussar bureau of the Chancellery of the State Military Collegium, 1767–1769]. (In Russian)
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846. Op. 16. Ed. khr. 1826. Relyatsii glavnokomanduyushchego 2-y armiy general-anshefa grafa P.A. Rummyantseva na imya imperatritsy Ekateriny II. [Reports by Commander-in-Chief of the 2nd Army, General-in-Chief Count P.A. Rummyantsev to the Empress Catherine II]. 1769. 412 p. (In Russian)
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846. Op. 16. Ed. khr. 1853. Ch. 1. Relyatsii glavnokomanduyushchego 2-y armiy general-anshefa grafa P.I. Panina na imya imperatritsy Ekateriny II [Reports by Commander-in-Chief of the 2nd Army, General-in-Chief Count P.I. Panin to the Empress Catherine II]. 1769 g. 143 p. (In Russian)
5. Vysochayshe utverzhdenny doklad «Ob Ukrainskoy linii Slavyano-Serbii, o sostoyashchem za toyu liniyu poselenii i o podchinenii onago k Novorossiyskoy Gubernii pod edinoe pravo». 11 iyunya 1764 g. [The highly approved report “On the Ukrainian line of Slavo-Serbia, on the settlement beyond that line and on its subordination to the Novorossiysk Province under a unified right” June 11th, 1764. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire] Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 16. St. Petersburg, 1830, no. 12. P. 795–799. (In Russian)
6. Gribovskiy V.V. Krymskoe khanstvo na nachal'nom etape voyny Osmanskoy i Rossiyskoy imperiy 1768–1774 gg.: k voprosu o «poslednem tatarskom nabege» [The Crimean Khanate at the initial stage of the War of the Ottoman and Russian Empires of 1768–1774: on the question of the “last Tatar raid”] Memleket tarikhy / Istoriya gosudarstva [State History]. Astana, 2016, no. 1. P. 33–57. (In Russian)
7. Gribovskiy V.V. Poslednie «tatarskie nabegi» 1769 g. [The last Tatar Raids of 1769] Voyna i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (V Tokarevskie chteniya): Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / (g. Rostov-na-Donu, 6–7 maya 2016 g.) [War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of the South of Russia (V Tokarev readings): Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / (Rostov-on-Don, May 6–7, 2016)] / Otv. red. A.L. Boyko, D.V. Sen'. Rostov n/D.: «Al'tair», 2016. P. 76–82. (In Russian)
8. Zhurnal voennykh deystviy armiy Eya Imperatorskogo Velichestva 1769 goda. SPb.: pechatan pri Gosudarstvennoy Voennoy Kollegii, [1770]. [The Journal of Military operations of the armies of Her Imperial Majesty in 1769]. St. Petersburg: printed at the State Military Collegium, [1770]. (In Russian)

9. Zapiski barona Totta o tatarskom nabege 1769 g. na Novo-Serbiyu. (S predisloviem i poslesloviem S.E.) [Baron de Tott's notes on the Tatar raid of 1769 on Novo-Serbia. (With a preface and an afterword by S.E.)] *Kievskaya starina* [Kievan Old Times]. 1883. Vol. VII. № 9–12. (In Russian)

10. Kashirin V.B. «Nabeg tatarskoy mnozhestvennym chislom uchinen...»: nashestvie khana Krym-Gireya na Elisavetgradskuyu provintsiyu Rossiyskoy imperii zimoy 1769 g. [“The Tatar raid was carried out by a large number...”: the invasion of the Khan of the Crimea- Giray khan on the Elisavetgrad province of the Russian Empire in the winter of 1769.] *Slavyane i Rossiya: Rossiya, Bolgariya, Balkany. Problemy voyny i mira. XVIII–XXI vv. (Mify i real'nost')*. Sb. statey [Slavs and Russia: Russia, Bulgaria and the Balkans. Problems of war and peace. XVIII–XXI centuries (Myths and reality). Collection of articles] / ed. K.V. Nikiforov. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2019. P. 8–106. (In Russian)

11. Lazarevskiy A.M. Dlya istorii kompaneykikh polkov [To the history of the Company Cossack regiments] *Kievskaya starina* [Kievan Old Times]. 1901, no. 9. P. 10–12. (In Russian)

12. Modzalevskiy V.L. Malorossiyskiy rodoslovnik. [Malorossian genealogical book]. Vol. 5, Iss. 4. Kyev; St. Petersburg, 2004. (In Russian)

13. P.A. Rumyantsev. Dokumenty. V 3-kh tomakh. T. II. [P.A. Rumyantsev. Documentation. In 3 volumes. Vol. II. 1768–1775] / sost. E.P. Voronin, pod red. P.K. Fortunatova. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 1953. (In Russian)

14. Palasios-Fernandes R., Tinchenko Ya. Malorossiyskie kompaneyskie i legkokonnye polki v posledniy period svoego sushchestvovaniya. 1765–1785 [Malorossian Company Cossack and Light Cavalry Regiments in the last period of their existence. 1765–1785] *Staryy Tseykhgauz* [The Old Armory]. 2014, no. 3–4 (59–60). P. 4–15. (In Russian)

15. Petrov A.N. Voyna Rossii s Turtsiyei i pol'skimi konfederatami. S 1769–1774 god. Sostavleno, preimushchestvenno, iz neizvestnykh po sie vremya rukopisnykh materialov, General'nogo shtaba kapitanom A. Petrovym. Vol. 1. God 1769. [Russia's war with Turkey and the Polish Confederates. 1769–1774. Compiled mainly from handwritten materials unknown till present time, by Captain A. Petrov of the General Staff. Vol.1. Year 1769]. St. Petersburg: V tip. Eduarda Veymara, 1866. (In Russian)

16. Relyatsii kievskogo general-gubernatora za 1768 i 1769 gg. / Soobshchil A.A. Andrievskiy. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1892. (ottisk iz VII-y knigi “Chteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora Letopistsa”) [The Kiev Governor-General's reports for 1768 and 1769 / Submitted by A.A. Andrievsky. Kiev: Printing House of the Imperial University of St. Vladimir, 1892. (an impression from the VIII book “Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler”)]. (In Russian)

17. Slavutich E. Odnostroï Nadvirnoï kompaniys'koï korogvi get'mana Kirila Rozumovs'kogo [The “Odnostroys” of Hetman Kirill Razymovskiy's Court Company Banner] *Istoriko-geografichni doslidzhennya v Ukraïni: Zb. nauk. pr.* 2004. Iss. 7. P. 161–185. (In Ukrainian)

18. Chapala M.M. “Kompaneyskie tri polka uchredit' sovsem regul'yarnymi...”. K istorii 9-go gusarskogo Kievskogo polka. [“To reform three Company regiments into

completely regular ones”: to the History of the 9th Kiev Hussar regiment]. Moscow: Fond “Russkie Vityazi”, 2018. (In Russian)

19. Sheykhumerov A.A. Strashnyy i privychnyy vrag: konnitsa krymskogo khanstva protiv vagenburga (XVI–XVII vv.) [A terrible and familiar enemy: the cavalry of the Crimean Khanate against Wagenburg (16th – 17th centuries.)] Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018, no. 2, pp. 103–110. (In Russian)

20. Sheykhumerov A.A. Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV–XVIII vv.). [The Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (15th – 18th centuries)]. Kazan–Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. (In Russian)

21. La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770) / Edition de documents établie par Ferenc Tóth. Istanbul: Les Éditions Isis, 2014. 266 p. (In French)

About the author: Vasily B. Kashirin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (119334, Leninskiy Prospect, 32A, Moscow, Russian Federation); vbkashirin@mail.ru